

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

22-й ГОД ИЗДАНИЯ

Огонёк

№ 30—31 (897—898)

1944 год.

Литература и Искусство

«ДЯДЯ ВАНЯ»

Свердловский драматический театр показал в Москве свою новую работу — пьесу А. Чехова «Дядя Ваня». Эта пьеса была поставлена театром к республиканскому смотру спектаклей русской классики. На сцене московского театра зритель не видел «Дяди Вани» много лет. Встреча с чеховским искусством — всегда событие для каждого человека, которому дорог этот писатель.

Дядю Ваню играет Б. Ильин, артист талантливый и тонкий. Внешне этот дядя Ваня мужественен, силен, он лишён прямых примет слабого человека. Он умен, причём умен не как образованный многослов, охотно осуждающий «учёную воблу» — профессора Серебря-

кова — или свою мать с её пристрастием к брошюрам. Нет, это человек ума ясного, хорошо отточенного, стоящий значительно выше людей, его окружающих. И тем сильнее, тем трагичнее происходит пересечение этих прекрасных человеческих черт со слабостью того же дяди Вани, с безнадёжностью, с опустошённостью души.

Трагедия бессмысленно загубленной жизни, жизни, которой было отпущено природой многое — эта трагедия рассказана Ильиным с беспощадными подробностями. В пьесе есть мечта, где человеческие слабости и неумение построить жизнь можно показать так обнажённо, что поистине совестно будет глядеть, как если бы подслушал чужую.

постыдную тайну. Но Ильин не позволяет этого своему герою. Несчастье дяди Вани он показывает крупно, не разменивая на мелкие доказательства. Это интересная и содержательная актёрская работа.

У доктора Астрова в трактовке К. Максимова не хватает той прямой, яственной силы таланта, того обаяния, которое дал ему Чехов. Чеховский Астров — значительный человек, со страстями, прекрасной, глубоко запрятанной романтикой, со своим отношением к миру. Но Максимов играет этого Астрова как бы «вполголоса». В нём есть мягкость, внутренняя привлекательность, человечество. Но все эти качества словно уменьшены в размере, их мало для образа Астрова.

Очень хороша М. Муккарская в роли Сони. Когда вы слышите первое слово Сони, её ясный, взволнованный голос, вы ощущаете соприкосновение с человеческой чистотой, с такой добротой и мягкостью, что это сразу же подкупает вас.

Елена Андреевна тоже, как и дядя Ваня, считает, что у неё загублена жизнь. Но, по совести, её жизни вам никак не жалко. Е. Амман-Дальская играет не хищницу, и это её право, ибо допустимо, что Елена Андреевна могла быть хищницей только в глазах Астрова. О самой себе Елена Андреевна говорит: «Я нудная, эпизодическое лицо». И вот эту самую нудность Амман-Дальская и берёт как главную черту — нудность, лень, ленивую хандру. Но рисунок роли беден, выразительные средства недостаточно разнообразны. В этой «роскошной женщине» совсем нет того омута, который свёл с ума дядю Ваню и привлёк доктора Астрова. В ней мало той ленивой, но повелительной женственности, которая была главным оружием в Елене Андреевне.

Серебряков, каким его показывает Н. Неделский, слишком дряхл. Это почти развалина, а вместе с тем в нём должен быть некий шик столичного учёного, элегантность пожилого человека, привыкшего пользоваться успехом у женщин.

Е. Бриль поставил спектакль свободно, интересно, с подкупающим внутренним спокойствием, без нервной суетливости режиссёра, который всё время «оглядывается» на могучих предшественников, показавших некогда в Художественном театре эту пьесу. Он правильно раскрыл главную тему пьесы — трагедию талантливых и умных русских людей, русских интеллигентов, сломанных уродливой жизнью той поры. Спектакль сделан бережно, любовными руками; в нём хорошо шумит дождь, хорошо дана атмосфера летней грозы, он приятно оформлен. В постановке есть внутренняя стройность, единая линия, связывающая все узлы, в ней нет ни рыхлости, ни разбросанности. Зритель чувствует в этом спектакле подлинную любовь к Чехову, любовь нежную, окрашивающую всю работу над чеховской пьесой.

Татьяна Тэсс